

Литература «не для всех» и феномен guilty pleasure: литературные классификации как пространство создания различия

Надежда Соколова

Старший преподаватель, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121
E-mail: nasokolova@hse.ru

Екатерина Михайлова

Студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121
E-mail: eyumikhaylova_1@edu.hse.ru

В статье публикуются результаты пилотного исследования литературных классификаций в России на примере группы студентов. Создание художественных классификаций представляет интерес, поскольку конструируемые символические иерархии практик потребления приводят к созданию социальных границ между группами. Границы между группами проявляются в социальном исключении тех индивидов, чьи практики маркируются как нелегитимные в установившейся системе. В тексте обсуждаются две основные категории, структурирующие читательские практики студентов, — «классическая литература» и «бульварные романы». Потребление классической литературы относят к «хорошему вкусу» (аналог highbrow taste в российском контексте), при этом отмечая, что эти произведения являются общеизвестными для всех слоев населения. Потребление «бульварных романов» для изучаемой группы студентов возможно только как guilty pleasure — с учетом выстраивания дистанции с объектом потребления, маркируемым как что-то нелегитимное. В статье также поставлен вопрос об универсальности такой иерархии потребительских практик. Одну группу информантов можно отнести к тем, кто поддерживает норму, предполагающую, что образованный человек включает в свои литературные предпочтения только классику — объект потребления, приносящий символические выгоды, при этом избегает любых контактов с нелегитимными объектами потребления. Тогда как другие ставят под вопрос основания такого деления, при котором классическая литература находится выше бульварных романов.

Ключевые слова: социология потребления, социальная стратификация, литературные классификации, практики чтения в России, социология культуры, литературный вкус

* Авторы выражают благодарность М. М. Соколову и Т. А. Третьяковой за помощь и конструктивные комментарии на всех этапах проводимого исследования.

Знаешь, вот эти всякие романы, они ширпотребные, как будто написаны по шаблону одному. Вот такое я бы точно не стала читать... Названия я не назову, но вот книжки, которые мама перед сном читает, в поезде они продаются в киосках. Я как бы не имела ничего общего с такой литературой, я с ней не знакоилась, но я почему-то примерно представляю, что там. Мне кажется, это какие-то фанфики для женщин средних лет. Они очень странные... Про какую-то любовь, про какие-то душевные терзания, как сериалы на «России 1», мне кажется, только еще более хуже. (Интервью, ж., 20 лет)

В социологическом исследовании культурного потребления основной вопрос будет разворачиваться вокруг объяснения измерений, структурирующих досуг индивидов. Ожидаем ли мы найти 1) гомологию между пространством позиций и досуговыми практиками, когда индивиды с большим объемом культурного и экономического капитала будут выбирать только объекты высокой культуры (Bourdieu, 1984) или 2) всеядность — преобладание высокой и низкой культуры в потребительском наборе индивидов, занимающих высокую позицию в статусной иерархии (Peterson, 1992). Т. Чан и Дж. Голдторп добавляют к этим моделям третий аргумент — индивидуализацию, предполагая, что в современных обществах индивиды могут свободно выбирать уникальные стили жизни в зависимости от собственных пожеланий (Chan, Goldthorpe, 2007: 170). Аргумент индивидуализации можно встроить в более широкую дискуссию о том, как изменились практики потребления в современных обществах в результате распространения доступа к высшему образованию (DiMaggio, 1987: 447), появления технологических инноваций и размывания границ между высокой и массовой культурой (Holt, 1998: 5).

В связи с этой международной дискуссией об изменениях в культурном потреблении интересно, что в России мы, во-первых, наблюдаем взаимосвязь между социально-экономическим статусом индивида и практиками потребления (Захарова, 2005; Ечевская, 2011; Илле, Соколов, 2018), во-вторых, можем отметить, что деление на высокую и низкую культуру не потеряло своей актуальности (Sokolov, 2019). Михаил Соколов показывает, что образ жизни, ассоциированный с такой группой, как интеллигенция, все еще является привлекательным, несмотря на период экономического кризиса, когда эта группа потеряла свои выгодные рыночные позиции.

Однако все приведенные здесь исследования российского случая реализованы при помощи опросной методологии, которая становится объектом критики по нескольким причинам. Стандартные опросы в исследованиях культурного потребления направлены на воссоздание системы координат, где группировки потребляемых индивидом культурных продуктов будут связаны с его атрибутами (например, образованием или занятостью). Методологически такие работы основаны на следующем ряде утверждений. Во-первых, предполагается, что потребительские практики (например, посещение музея) или установки (например, позитивное отношение к абстрактному искусству) могут стать переменной, разделяющей социальные группы. Во-вторых, используя в качестве основы опросник, состав-

ленный П. Бурдые (Coulangeon, Lemel, 2007; Van Eijck, 2001; Lopes-Sintas, Katz-Gerro, 2005), исследователи вслед за ним считают, что достаточно задать вопрос только об определенных практиках и культурных продуктах. Например, вопрос о частоте посещения респондентом кинотеатров, художественных музеев или оперы предполагает (если гипотеза Бурдые верна), что выборка разделится на группы, в которых предпочтение посещению музея и оперы будут отдавать индивиды с большими культурными компетенциями. В этом случае зачастую интерпретация строится на допущении, что принципы построения символической классификации, разделяющей объекты на «высокую» и «массовую» культуру, остаются такими же, как в исследовании Бурдые. Однако мы знаем, что использование художественных классификаций обусловлено контекстом¹. Например, М. Ламон (Lamont, 1992) в своем исследовании выяснила, что американский средний класс, в противоположность французскому среднему классу, не придает такого большого значения вкусовым предпочтениям. Потребители в том числе могут переосмысливать границы жанров (Vlegels, Lievens, 2017) и создавать собственные системы классификации искусства. В более современных работах большее внимание направлено на вариативность потребительских практик: не только то, какие объекты потребляет индивид, но и как их потребляет (Jarness, 2015; Holt, 1997; Lizardo, 2016).

Таким образом, возвращаясь к опросной методологии исследований потребления в России, в результате мы можем назвать предикторы участия в культурной жизни, но описать, каким значением наделяют практики потребления индивиды и как деление на высокую и массовую культуру может быть использовано для построения границ между группами, мы не можем. Соколов делает вывод о том, что участие в статусной культуре все еще значимо для индивидов, в том числе молодых когорт, что отличает российский случай от европейского: здесь опросная методология позволяет зафиксировать феномен, однако остается открытым вопрос о сигнальных функциях участия в высокой культуре — принадлежность к какой группе обозначает этот выбор досуговых практик (Sokolov, 2019: 12).

В данной статье мы хотели обратиться к вопросу о том, какое значение имеет классификация искусства для индивидов, что позволит нам предположить, к каким последствиям для построения границ между группами это может приводить². Учитывая обозначенную выше критику предзаданного деления объектов на высокую и массовую культуру, мы решили обратиться к эмным категориям, предполагая, что это поможет лучше понять механизмы социального исключения, связанные с практиками потребления. Представленное здесь исследование носило пилотный характер. Мы ограничили исследование классификаций в искусстве одной сферой — литературой. И также выбрали только одну группу — студентов.

1. Мы не предполагаем, что символические классификации больше не будут включать категорий «высокой» и «популярной» культуры. Вопрос скорее касается того, какие объекты информанты вносят в каждую из категорий.

2. Мы считаем, вслед за М. Ламон и В. Молнар (Lamont, Molnar, 2002), что изучение символических классификаций — это первый шаг к изучению социальных границ.

В разделе «Методология» содержится обсуждение возможностей и ограничений, которые у нас появились в результате такого выбора. Основной целью для нас было изучение символических границ в литературном потреблении: нас интересовало, как студенты будут классифицировать различные литературные произведения и их потенциальную аудиторию. Таким образом, чтение попадает в поле нашего внимания как пример досуговой практики, в рамках которого мы можем поговорить с информантами об их представлении о «хорошем» и «плохом» вкусе. Следующий раздел посвящен краткому обзору исследований, прослеживающих появление классификаций в искусстве и использования этих конструкторов для создания групповых границ.

«Высокая» и «массовая» культура

Сейчас, когда мы обсуждаем, например, книги или фильмы, нам кажется естественным приписывание культурных объектов к категориям «высокой» и «массовой» культуры³, однако на примере проведенных исследований мы можем увидеть, что исторически эти категории были сконструированы относительно недавно. Классическими исследованиями дифференциации искусства в результате процесса конструирования классификаций является работа П. Димаджио (DiMaggio, 1982) и Л. Левина (Levine, 1990). Рассматривая американский пример создания категорий «высокого» и «популярного» искусства, они показывают, как на протяжении XIX века происходила постепенная трансформация в восприятии художественных произведений. В новой системе классификации, которая формируется к началу XX века, элементы «высокого» и «популярного» искусства разделяются. Так, в филармонии исполнение классической музыки уже не перемешивают с выступлениями цирковых акробатов⁴.

Похожий пример из книги Левина — это трансформация восприятия пьес Шекспира. В Америке XIX века посещение постановок Шекспира не воспринималось аудиторией как высокоинтеллектуальный досуг, скорее как популярное развлечение: его работы представляли так же, как выступления комиков и акробатов (Levine, 1990: 23). Однако позднее, в XX веке, его пьесы начинают описывать как что-то сложное для понимания, классику театрального искусства, стоящую в одном ряду с Ибсеном, Чеховым и греческими трагедиями (Levine, 1990: 32). Приписывание к категории «высокого» искусства означало не только изменение в манере представления — отделение пьес Шекспира от выступлений музыкантов и акробатов, но также и новые правила поведения для публики, что способствовало закреплению сакрального статуса «высокого» искусства.

3. При этом обозначенное деление встраивается в иерархию престижа, где «высокая» культура располагается выше «массовой» или «популярной» культуры.

4. Здесь мы говорим о наблюдаемом изменении в американском опыте, работа Димаджио и Левина не охватывает случай Европы.

Левин стремился показать, что появившаяся в XX веке категория «высокого» искусства маркировала также и аудиторию, его потреблявшую, как высокообразованных (идея о том, что образование необходимо для восприятия искусства) и цивилизованных индивидов. Категория «highbrow», применяемая к определенным культурным объектам, буквально означала «интеллектуальное или эстетическое превосходство», тогда как «lowbrow», наоборот, — отсутствие этих качеств. Эти понятия, впервые использованные в 1880-х, как пишет Левин, «получены из френологических терминов „highbrowed“ и „lowbrowed“, которые были представлены в распространенной в XIX веке практике определения расовых типов и интеллекта путем измерения формы и размера черепа» (Levine, 1990: 221–222). С течением времени эти понятия стали использоваться для передачи представлений об иерархическом характере разделения культурных объектов. Для Димаджо ключевой также является идея о возможности использования систем классификации искусства для обозначения групповых границ. В его исследовании отделение элементов «высокого» искусства от «популярного» представлено как результат намеренных усилий высшего класса, стремившегося подчеркнуть групповую эксклюзивность (DiMaggio, 1982).

Концептуальные различия, которые индивиды проводят между объектами потребления (как, например, деление на «высокую» и «популярную» культуру), ведут к созданию социальных границ между группами потребителей (Bourdieu, 1984; Veblen, 1899; Warner et al., 1963; Weber, 1978). Начиная с работы Т. Веблена, социологи культуры говорят, что индивиды используют культурное потребление как средство обозначения групповой идентичности: создаваемые различия в стилях жизни должны подчеркивать разницу занимаемых в социальном пространстве позиций. Функционирование этого механизма различения на основании потребления возможно за счет существования статусных символов⁵ (Goffman, 1951). Символические классификации, разделяющие объекты на «высокую» и «массовую» культуру, проявляются, таким образом, в паттернах социального исключения: культурное потребление становится сигналом, который помогает индивидам определять «своих» и избегать «чужих» (как потребление связано с построением дружеских и брачных связей см.: DiMaggio, Mohr, 1985; DiMaggio, 1987; Erickson, 1996; Lizardo, 2006a).

Методология

Анализируя литературные классификации, мы старались учесть несколько ключевых моментов. *Первое* — это границы изучаемой группы. Мы предполагали, что создаваемые концептуальные схемы будут отличаться, во-первых, в случаях интервьюирования производителей и потребителей. Например, эксперты в поле литературы — критики, писатели и редакторы будут классифицировать литера-

5. В данном случае практики потребления становятся типом информации, который позволяет индивидам относить собеседника к определенной категории.

турные произведения иначе, чем читатели без специального литературного образования. Мы отказались от идеи интервьюировать экспертов, так как это не соответствовало нашим исследовательским задачам. Во-вторых, у нас было предположение (которое затем не подтвердилось), что литературные классификации как элементы культуры, используемые с коммуникативными целями, могут отличаться внутри малых групп с сильными связями (Fine, 1979). Например, школа как канал трансляции знаний о литературных классификациях приписывает высокий статус классическим произведениям, однако внутри малой группы старшеклассников (или, если мы перенесем эту логику на наше исследование — группы студентов с сильными дружескими связями) средством идентификации «своих» может стать, наоборот, отрицание этого статуса классики. Поэтому при отборе информантов мы хотели учесть это деление на малые группы.

В итоге мы сделали выбор в пользу студентов одного Санкт-Петербургского университета⁶. У нас была необходимая информация о дружеских связях этого потока студентов, поэтому мы посчитали эту группу наиболее доступной для проведения предварительного анализа. Мы старались учесть деление на малые группы с сильными (дружескими) связями и отобрать для интервью представителей разных малых групп. В итоге было собрано 15 интервью — по 3 представителя из каждой малой группы (список информантов представлен в Приложении 1).

Основной возраст наших информантов — 20–21 год. Интервью были построены вокруг тематики проведения досуга (в основном чтения), что, как мы описывали выше, связано с построением символических границ и паттернами исключения, поэтому необходимо поговорить отдельно о возможном влиянии позиции интервьюера⁷. Один из авторов этой статьи, интервьюировавший студентов, на момент проведения исследования находился в той же возрастной группе, что и наши информанты. Мы полагаем, что это помогло минимизировать возможное влияние интервьюера на получение социально одобряемых ответов, какие мы могли ожидать в ситуации разницы в возрасте. Следует оговорить и наблюдаемый гендерный дисбаланс — среди 15 интервью 4 были проведены со студентами и 11 со студентками. Это объясняется прежде всего особенностью образовательной программы, где в каждом новом потоке среди обучающихся преобладают девушки. Мы учитывали, что, согласно исследованиям, женщины обычно более активны в потреблении (Lizardo, 2006b), однако у нас не было гипотезы о том, что механизм формирования художественных классификаций будет отличаться в случае мужчин и женщин, поэтому в ситуации отбора информантов для интервью мы уделили больше внимания границам малых групп, чем гендерному балансу, так как у нас было предположение о влиянии сильных дружеских связей на форми-

6. При выборе университета и факультета для исследования у нас был только один критерий: информанты не должны были обучаться по таким специальностям, как филология и литературоведение, потому что в наши задачи не входило изучение экспертных классификаций.

7. Авторы благодарят рецензента за то, что обратил внимание на необходимость уточнения возможного влияния позиции интервьюера и обсуждения наблюдаемого гендерного дисбаланса среди отобранных случаев.

рование классификаций в искусстве. Необходимость учитывать дружеские связи информанта появляется не только в исследованиях коммуникации, но также и в связи с феноменом гомофилии, обсуждаемом в сетевом анализе (McPherson et al., 2001). Применительно к изучению потребления мы видим, что дружеские связи объединяют индивидов с похожими вкусами (Erickson, 1996; Lizardo, 2006a), отсюда мы также делаем предположение, что внутри групп с сильными связями могут формироваться разные системы классификаций.

Второе — это выбор сферы исследования — в нашем случае это литература. Почему именно эта сфера? Ламон и Молнар пишут, что социальные границы появляются в том случае, когда у индивидов есть согласие по поводу существующих символических границ (Lamont, Molnar, 2002: 168–169). Мы считаем, что для осуществления пилотного исследования анализ литературных классификаций подходит больше всего, так как все наши информанты прошли первичное знакомство с литературными классификациями в рамках школьной программы, тогда как музыкальное образование или киноведение не являлось обязательным для каждого из них. Как мы увидим далее, школьная программа — влиятельный источник трансляции используемых нашими информантами категорий, хотя не единственный. Мы предполагали, что студенты могут использовать школьную программу как основу, создавая новые системы классификации с учетом требований нового социального пространства, в котором потребительские практики будут использоваться для создания статусных границ⁸.

Обсуждая с нашими информантами литературные классификации, мы приняли решение добавить в качестве стимульного материала к интервью карточки с фамилиями авторов. Во время интервью мы просили информантов разложить эти карточки по группам, объединив тех авторов, чьи произведения кажутся похожими. Задача формулировалась следующим образом: «Разложите, пожалуйста, эти карточки по группам. Положите карточки, которые кажутся вам похожими в одну группу. Если вы не знаете кого-то из авторов или не уверены, положите их в отдельную группу. Если вы считаете, что какая-то карточка подходит больше, чем в одну категорию, положите ее в обе группы». Мы не утверждали начальную логику раскладывания карточек, предлагая информантам создать свои классификации. После этого мы просили дать характеристику каждой группе и описать ее возможную читательскую аудиторию. На этапе анализа мы использовали получившиеся группы, чтобы обобщить классификации из всех 15 интервью.

Выбирая авторов для карточек, мы преследовали две цели: 1) выбрать авторов, которые будут знакомы большинству информантов, и 2) выбрать авторов произведений разных жанров. Чтобы достичь первой цели, мы использовали материа-

8. Исследования, где студенты являются ключевой группой, имеют ряд недостатков и преимуществ. Помимо того что нам хотелось учесть информацию о наличии малых групп с сильными связями, мы руководствовались похожей логикой, что и коллеги, проводившие исследование художественных вкусов студентов. М. Соколов, М. Сафонова и Г. Чернецкая (Соколов, Сафонова, Чернецкая, 2017: 161–162) пишут о том, что студенческое сообщество может быть рассмотрено как «интерактивная арена», где индивиды «занимаются выстраиванием статусных границ».

лы другого исследования — данные читателей и их литературных предпочтений из библиотечной базы за 2015 год⁹. Библиотеки Санкт-Петербурга подключены к единой системе, которая объединяет данные, получаемые с читательских билетов. В момент регистрации нового читателя библиотекарь вносит информацию в следующие колонки — год рождения, пол, образование и тип занятости. Записи о книгах, которые читатель берет за указанный период времени, например за 2015 год, также попадают в эту базу данных. Так как мы располагали данными о читательских предпочтениях и типе занятости, мы отобрали все художественные книги (для определения художественной литературы использовалась библиотечная кодировка), которые брали в течение 2015 года студенты. На основании этих данных мы составили список самых популярных у студентов авторов в области художественной литературы, и отобрали из них 49 авторов — представителей разных жанров, для чего использовали сайты издательств «Эксмо», «АСТ» и «Литрес». В итоге в нашем списке авторов оказались те, чьи произведения относят к следующим жанрам: русская классика, зарубежная классика, современная русская, современная зарубежная, фантастика, фэнтези, русские детективы, зарубежные детективы, любовные романы (список авторов представлен в Приложении 2).

У нас было три возможных пути создания карточек: спрашивать информантов о жанрах, об авторах или о конкретных произведениях. Мы решили, что уровень произведений слишком узкий и искали что-то, что будет знакомо большинству. В то же время мы отказались от жанров, потому что жанровое деление — это классификация производителей поля литературы, тогда как мы хотели дать возможность нашим информантам самостоятельно охарактеризовать произведения. Из опубликованных исследований мы знаем, что читатели мыслят иными категориями, чем эксперты или производители книг. Например, читательницы любовных романов наделяют эту категорию совсем другими характеристиками, чем те, кто связан с системой распространения книг данного жанра (цит. по: DiMaggio, 1987: 442). Мы хотели, чтобы процедура раскладывания карточек стимулировала наших информантов порефлексировать о категориях, которые они используют при оценке своего и чужого литературного вкуса. При этом нам нужно было убедиться, что список категорий, привязанных к конкретным авторам и их произведениям, будет общим для всех информантов. Нашей итоговой целью было получить описание групп, составляемых информантами, и характеристики потенциальной аудитории, которую представляют информанты в связи с полученными группами.

Интервью строилось по следующей схеме: сначала интервьюер задавал вопросы о книгах, которые читает информант, и просил дать им характеристику, затем предлагалось разложить карточки и порефлексировать о получившихся группах. Нас интересовало, какие категории-группы выделяют информанты, например «бульварная литература», и как они характеризуют книги этой категории. Из-за ситуации пандемии все 15 интервью были собраны в онлайн-формате. Для раскла-

9. Подробнее об исследовании и использовавшейся базе данных можно посмотреть здесь: Sokolov, Sokolova, 2019.

дывания карточек информантам предлагалось войти в Google Документы и самостоятельно создать таблицу с количеством колонок, соответствующих группам, которые они выделяли. Мы не использовали заранее созданный шаблон, чтобы информанты сами могли решить, сколько групп они хотят создать из предложенных 49 авторов. Также интервьюер просил дать каждой группе какое-то название. Так как интервью проводились онлайн, интервьюер дополнительно просил информантов при раскладывании карточек не сверяться ни с какими внешними источниками, если, к примеру, информант не уверен в том, что написал автор или в какую группу его определить.

Результаты

Этот раздел содержит две части. В самом начале мы опишем общую логику раскладывания карточек информантами, чтобы в целом обозначить, какие концептуальные схемы они использовали при обсуждении литературных произведений. После этого описательного этапа мы поговорим о двух категориях, которые привлекают наше внимание в связи с дискуссией о создании символических границ, так как нашей целью было узнать, как студенты могут использовать литературные классификации для создания границ между группами. Мы используем понятия «группа» и «категория» как синонимы. Многие категории, например, «классика» или «бульварные романы», появлялись в интервью еще до момента раскладывания карточек, а затем информанты подтверждали, что какая-то из групп соответствует названной ранее категории.

Так как мы не задавали информантам начальной логики раскладывания карточек, мы получили в результате разнообразные классификации, в которых, однако, присутствуют общие паттерны. Деление литературы на русскую и зарубежную, а также на классическую и современную можно увидеть в большинстве интервью. В группу авторов, которых информанты не знают, попали в основном те, чьи произведения сайты «Эксмо», «АСТ» и «Литрес» относят к жанру «любовные романы» и «русские детективы». Мы предполагаем, что наши информанты не смогли отнести эти произведения в отдельную группу, так как потребление такого типа литературы не входит в список их литературных предпочтений, а также было описано ими как неодобряемая сообществом практика, не приносящая символических выгод, о чем мы подробно поговорим ниже.

Увидеть постоянство присутствия классики (русской и зарубежной), а также деления литературы по временным периодам, и разнообразие других категорий в классификационных схемах можно и в названиях, которые информанты давали группам (исключая группу неизвестных авторов).

Таблица 1. Названия групп, выделенных информантами среди 49 карточек¹⁰

Категория литературы	Число информантов, упомянувших категорию
Русская классика	6
Зарубежная классика	5
Детективы	5
Философия	4
Фэнтези	3
Классика	3
Современная русская	2
Современная зарубежная	2
Современная	2
Школьная литература	2
Современные писатели	1
Французы	1
Антиутописты	1
Фамилии, которые моя русичка произносила каждый урок	1
Современные авторы, по книгам которых сняты модные экранизации	1
Фамилии, которые я видела в «Читай- городе»	1
Стивен Фрай	1
То, что я бы перечитала	1
Зарубежная попса	1
Российская попса???	1
Зарубежные авторы, которых мало кто читал	1
Интересные русские классики	1
Зарубежные авторы, которых я знаю, но не читала	1
Нравятся	1
Еще не читала	1
Не могу четко сказать, нравятся или нет	1
Не нравятся	1
Умные люди для умных людей	1

10. Для удобства представления мы объединили в одну категорию схожие названия, например, «Философы», «Экзистенциализм/философское», «что-то философское» и «Философия» стали одной группой «Философия». «Детективчики», «детективистки», «специфические/домашние детективы» и «детективы» объединены в группу «детективы». Орфография и пунктуация переданы без изменений из таблиц, которые заполняли информанты.

Низкокачественное что-то	1
Книги моего 15-летнего становления	1
Хорошие авторы классической литературы	1
Школьная программа. Скука смертная	1
Мой третий приоритет	1
Два загадочных лебедя в средневековом мире	1
Для сына-озорника	1
Пьеса	1
Масс-маркет ++	1
классика закоренелая	1
Классика XX века	1
Хорошая литература для отдыха	1
low brow литература	1
Литература, что можно почитать в поезде (если ничего другого нет)	1
Фантастика, антиутопия и литература середины — конца XX века	1
Иностр., классич./чит.	1
Русское, классич./чит.	1
Иностр., совр./чит.	1
Русское, совр./не чит.	1
Иностр., классич./не чит.	1
Иностранное, современное/не чит.	1
Есть в списке	1
На слуху, значительное/не чит.	1
На слуху, незначит./не чит.	1
Любимые авторы	1
XX век	1
Что хотел бы прочитать	1
Глубоко уважаю	1
Слишком сладко	1
Проблема брака в викторианской Англии	1
Классные русские	1
Мой любимчик	1
Американцы	1
Русская	1
Читал	1

Легкое чтение	1
Относительно поп-культура	1
Романы/ периодичности	1
Приключенческая фантастика	1
Бульварная литература	1
То, что нравилось лично мне	1
То, что очень любили мои друзья	1
То, что как будто бы любили все (лично я не читала)	1

В таблице 1 мы можем обнаружить, что некоторые информанты выделяли дополнительные группы, основанные на идее «качества» произведений и оценке их потенциальной аудитории, например, «бульварная литература», «низкокачественное что-то», «умные люди для умных людей», «low brow литература», «литература, что можно почитать в поезде (если ничего другого нет)», «легкое чтение». Также некоторые информанты стремились подчеркнуть их личное отношение к произведениям какого-то автора, создавая классификации на основании их личных приоритетов, сравнивая школьную программу и собственные предпочтения. Деление литературы на «женскую» и «мужскую» тоже появлялось в некоторых наших интервью, но у нас недостаточно данных, чтобы делать об этом выводы.

Для нас важно скорее не то, как много групп выделяли информанты и как они называли эти группы, а то, какую характеристику авторам и их произведениям они давали. Сконцентрировавшись на этой информации, мы можем увидеть пересечения между группами, что позволяет нам говорить о том, что деление на зарубежные/русские и современные/классические преобладает. В пользу существования общей системы классификации также говорит тот факт, что, раскладывая карточки, информанты во многих случаях не были лично знакомы с произведениями авторов, которых они относили в разные группы, однако это не помешало им выносить суждения о характере этих литературных произведений. Выяснение истоков происхождения полученного деления не было целью исследования, поэтому мы не останавливаемся на этом подробно, нас скорее интересовало, какие литературные категории использовали наши информанты в разговоре о «хорошем» и «плохом» вкусе в литературе, поэтому далее мы остановимся подробно на двух категориях — «классика» и «бульварные романы».

Категории и границы

Карточки использовались как стимульный материал: помогали структурировать обсуждение литературных произведений, что дало нам возможность в результате получить от каждого информанта описание категорий, в которые объединялись авторы. Так как мы изучаем классификации, которые становятся основанием для

создания групповых границ, две категории (обобщенно) «классика» и «бульварные романы» представляли для нас особенный интерес, так как 1) являлись общепринятыми для всей группы и 2) информанты говорили о наличии механизма социального контроля, связанного с литературой, приписываемой к этим категориям.

Основные авторы, чьи произведения составляют категорию русской классики, — это Михаил Булгаков, Федор Достоевский, Михаил Лермонтов, Лев Толстой, Антон Чехов (зарубежная классика — Александр Дюма, Уильям Шекспир и Джек Лондон). Поговорим о характеристиках, которые позволяют информантам отнести произведения к этой категории. Для наших информантов классика = школьная программа. Этот вывод мы делаем непосредственно на основании анализа интервью, в которых информанты, объясняя свое представление о классике и опыте знакомства с авторами-классиками, делали отсылки к школьной программе. Мы также решили добавить информацию об авторах, входящих в список обязательных для изучения по литературе (стандарт основного общего образования и стандарт среднего (полного) общего образования) в соответствии с приказом Минобрнауки РФ (Минобрнауки РФ, 2004) в Приложение 2. Это позволяет нам увидеть, что большинство авторов, которых информанты отнесли к категории «классика», действительно упомянуты в школьной программе.

Основные характеристики классики — это 1) всеми одобрена как «хорошая литература», 2) обладает высокими литературными качествами — например, раскрывает важные темы, «учит чему-то важному» в жизни, «образец для поведения».

Условно конвенциональная классическая литература, то есть всемирно признанная. То есть когда я хотела начать читать зарубежную классическую литературу, я открыла список BBC 100 лучших или 200 лучших книг, по-моему, так он называется. И за все время там были такие титаны типа Джейн Остин, Томаса Гарди, Шарлотты и Эмили Бронте, и так далее. (Ж., 20 лет)

Классическая литература, она как бы учит людей, как поступать, какие чувства испытывать... Скорее всего, мы воспринимаем классическую литературу как то, что нужно знать, вот так. Да, мне может что-то нравиться, но я не оперирую такими индивидуальными характеристиками, что мне понравилось это или не понравилось. Вот я читаю, я могу наслаждаться этим, но в основном, наверно, у меня ощущение долга есть, что я должна. (Ж., 21 год)

Например, Толстой — это классик. Это то, что обществом нашим считается, что это такая классическая фундаментальная литература, которая влияет или повлияла, или которая отражает очень хорошо наше общество. (Ж., 20 лет)

Ну знаешь, ты когда думаешь, что бы почитать. Ты не хочешь читать то, что не проверено, ты не хочешь брать книжку и думаешь, вот сейчас я прочитаю, а она окажется не очень, она мне не понравится. Поэтому ты берешь книгу, которую уже читали деды, прабабки, все. И ты думаешь, если они сказали, что это нормально, то и мне прочитать не стыдно. (Ж., 21 год)

Набоков — это российский классик, мы все знаем его произведение «Лолита». Культурное наше, как это называется, наследие. Сейчас очень пафосно прозвучало. Это автор, который очень известен. (Ж., 20 лет)

Категория «бульварные романы» или «легкое чтение» определяется как антитеза к «классике» — это что-то низкого качества и легкое в понимании. Когда мы здесь говорим про «бульварные романы», мы объединяем книги двух жанров — русские детективы (например, Дарья Донцова) и любовные романы (например, Даниела Стил): информанты давали им похожее описание, объединяя в одну категорию. Интересно, что категория легкости/сложности чтения и понимания появляется в противопоставлении с «классикой», тогда как «классика» как категория не определяется через легкость/сложность.

Мне, наверно, не очень приятно читать бульварные романы. Такие, которые, типа Дарья Донцовой или еще что-нибудь. Хотя я никогда этого не читала... Произведения, которые считаются, желтая пресса это называется. Ну не такие значимые фигуры литературы, блин, как я перечислила тебе классиков практически жанра. А какие-то такие вещи, которые, возможно, противоречивые или не нашли подтверждения широкого общественного. (Ж., 21 год)

Это просто какие-то книги, чтобы занять время, чтобы просто прочитать, не вынести никакого нового знания, не научиться ничему. Тупо как эти мобильные игры: вроде ты себя занимаешь, играешься, но это не настоящее погружение, впечатления. И тут так же. Книги, чтобы просто потратить время. (М., 20 лет)

Я не читаю бабушкины романы. Это такие романы, которые ты можешь купить в переходе. Которые ты покупаешь, когда не знаешь. Все перечитал, не знаешь, что тебе почитать. И ты садишься, идешь на вокзал, заходишь в киоск и просишь: а дайте мне какую-нибудь книжечку. И они дают тебе «Вампирский поцелуй». И вот как бы вот такое я не читаю, потому что слишком много такого хорошего всего, что я не прочитала. Я не буду читать книжку, чтобы испытать скоротечные эмоции. Я, наверно, буду читать книжку, я ее захочу перечитать. (Ж., 21 год)

Бульварная литература, мне кажется, люди с, ну кому, я даже не хочу называть таких людей глупыми, потому что на самом деле, например, моя учительница по литературе, она говорила, что иногда читает Дарью Донцову, но важно, она читает ее, просто чтобы разгрузить мозг. Это как сидеть раскрашивать по номерам раскрашивать, то есть ты такой ля-ля-ля, особо мозг не напрягается, что-то чем-то занят, мозг отдыхает. Но много такого, мне кажется, прочитать сложно, потому что повторяется. Это литература не чтобы понять что-то, не чтобы найти какие-то смыслы для себя, не чтобы потом руководствоваться этими книгами, не чтобы понять какой-то там культурный момент, бэкграунд какого-то там общества, а чтобы мозг разгрузить и все. Прочитал и прочитал. (Ж., 21 год)

У меня ассоциируется с русскими сериалами на ТВ, Пятом канале. Мне такое абсолютно не интересно. И кажется чем-то дешевым, сделать триста книг в год в дешевой мягкой обложке с абсолютно одинаковым сюжетом, но разными именами. Для меня это как-то так. (Ж., 21 год).

Из цитат можно заметить, что информанты, классифицируя литературу, выстраивают книги в иерархию, где классика стоит выше бульварных романов. Иерархия строится на идее признания и в том числе на качествах, которые информанты приписывают этим книгам. В этом описании мы видим черты, схожие с разделением объектов на «высокое» и «массовое» искусство и типов потребления — *highbrow* и *popular taste*¹¹. Первый отсылает к потреблению объектов «высокой эстетической ценности», тогда как второй обозначает стремление получить удовольствие от развлекательной функции объекта (Lizardo, 2006a: 782). При этом нужно обратить внимание, что «высокое искусство» противопоставляется «массовому».

Здесь мы хотели бы подробнее обсудить, почему практики потребления «высокого» и «массового» искусства противопоставляются. В работе «*Distinction*» (Bourdieu, 1984) Бурдьё строит модель, где положение индивида в социальном пространстве зависит от объема капитала, которым он обладает: культурного, экономического и социального. Культурное потребление становится механизмом выражения социальных различий, так как классы, по словам Бурдьё, обладают различным навыком различения, или, другими словами, навыком дешифровки произведений искусства. В практиках доминирующих классов этот навык культивируется с момента рождения индивида, соответственно, представители таких классов способны понимать, обсуждать и наслаждаться объектами искусства, которым нужен «сложный» код дешифровки. Например, чтобы понять смыслы, заложенные автором артхаусного кино в свое произведение, нужна определенная подготовка. Таким образом, представителям доминирующего класса будет скорее свойственно потребление какого-то редкого объекта, потому что в этом случае они смогут продемонстрировать свои качества квалифицированного потребителя. В мире искусства происходит символическая борьба за классификацию объектов и практик их потребления: доминирующий класс побеждает в установлении иерархии художественных предпочтений, в которой только определенные объекты обладают легитимным статусом и могут маркировать потребителя как обладателя хорошего вкуса. В нашем исследовании не стояла задача проследить связь классовой позиции и практик потребления: отсылка к Бурдьё здесь нужна, чтобы показать традицию изучения символических иерархий, разделяющих объекты и практики потребления на легитимные и нелегитимные для создания границ между группами.

11. В российском контексте аналогом, скорее всего, может быть деление на «хороший» и «плохой» вкус, так как *highbrow* и *popular taste* получают название от характеристик потребления определенных объектов.

Помимо существования символического разделения объектов искусства, создаваемого доминирующим классом, мы должны обратить внимание на характер функционирования культурных объектов как сигналов принадлежности к определенной социальной группе. И. Гоффман (Goffman, 1951) и Г. Зиммель (Simmel, 1957) в своих работах обсуждают феномен циркуляции символов. Так, группа, которая вводит определенный символ в использование, заинтересована в том, чтобы 1) ограничить ситуации его мошеннического использования, например, когда индивид использует символ, который не отсылает к его/ее реальному статусу (ограничения, которые обсуждает Гоффман), и 2) отказаться от использования символа в ситуациях, когда его начинают широко использовать другие группы (пример использования моды элитами у Зиммеля).

В нашем случае, обсуждая с информантами потенциальных читателей каждой категории, мы зафиксировали противоречие (в описанном выше механизме создания различия): классика — это «сложная» литература с высоким эстетическим потенциалом, которая при этом является общеизвестной. Информанты в большинстве отвечали, что не могут выделить какую-то конкретную аудиторию для авторов этой категории — классика является литературой, с которой «все знакомы» («все знакомы с этим, все более-менее знают о чем»). Это то, что все читают и знают. Некоторые отмечали в качестве наиболее вероятной категории читателей школьников или пожилых людей, но при этом все сходились на том, что у каждого читателя есть представление об основных произведениях, которые относят к классике. Конечно, когда мы здесь говорим о том, что классика является общеизвестной категорией, мы опираемся на высказывания наших информантов, а целью нашего исследования было как раз узнать, как наши информанты будут конструировать литературные классификации. Однако в то же время проведенное исследование о предпочтениях читателей Санкт-петербургских библиотек (Sokolova, Sokolov, 2020)¹² позволяет говорить о том, что именно классические произведения являются своеобразным общим знаменателем для всех читателей.

Изучая символические границы, которые в нашем случае проявляются в литературной классификации, важно обратить внимание на свойство, которое Ламон и Молнар называют «constraining character» (Lamont, Molnar, 2002: 168): символические границы, создаваемые индивидами, способны оказывать влияние на социальное взаимодействие. Например, если потребление указывает на групповую идентичность, обсуждение объектов культуры — сериалов или театральных постановок — может открывать или закрывать для индивида вход в различные группы (DiMaggio, 1987; Lizardo, 2016). Да, мы отметили, что потребление классических произведений, казалось бы, не определяет конкретную группу, так как для наших

12. Анализ предпочтений читателей Санкт-петербургских библиотек показал, что классическая литература является тем объектом потребления, который находится на пересечении потребительских интересов представителей разных социальных групп. Здесь можно увидеть, вслед за Димаджио (DiMaggio, 1987), что структура потребления и создаваемые классификации отображают процессы, происходящие в социальной структуре.

информантов они являются широко распространенными. Однако при этом наши информанты отмечали, что если «бульварные романы» — это легкое чтение, guilty pleasure, что-то, в чем стыдно признаться, то в случае классических произведений чем-то стыдным будет, наоборот, признание в том, что индивид не знаком с этими произведениями¹³. Таким образом, в высказываниях информантов мы видим наличие механизма социального контроля, связанного с потреблением определенных литературных произведений¹⁴.

Guilty pleasure — концепт, который кажется нам подходящим для описания потребления «бульварных романов», так как мы обнаруживаем 1) признание информантами нелегитимного статуса этого объекта в символической иерархии потребительских практик и 2) создание дистанции по отношению к объекту, «несерьезное» потребление, позволяющее поиронизировать над таким объектом (о похожих стилях потребления см.: McCoy, Scarborough, 2014; Peters, van Eijck, Michael, 2018). Гайд не включал отдельных вопросов о guilty pleasure, мы используем этот концепт для анализа уже полученных данных, так как видим пересечения с уже описанными исследователями практиками потребления. При этом, как следует из цитат, некоторые наши информанты сами использовали этот концепт для обозначения своего отношения к потреблению определенного объекта (что не кажется удивительным, так как guilty pleasure является широко употребляемым и за пределами академии концептом), в этом случае их описание практики потребления также соотносится с традицией использования этого концепта в перечисленных статьях.

Цитаты показывают, что, обсуждая литературу, наши информанты сталкиваются с нормой, которую можно описать как «каждый образованный человек читал классическую литературу» и «каждый образованный человек должен избегать бульварных романов». Не все наши информанты поддерживают эти утверждения, однако они отмечают наличие ожиданий, связанных с их литературными вкусами.

Говоря о литературных предпочтениях как о норме, мы можем описать поведение информантов в соответствии с моделью из исследования Д. Сентолы, Р. Уиллера и М. Мэйси (Centola, Willer, Macy, 2005). Эти авторы изучали феномен распространения в группе непопулярной нормы: их интересовали ситуации, в которых большинство членов группы отрицательно относятся к существующей норме, однако публично ее поддерживают, создавая иллюзию всеобщего согласия. Пытаясь смоделировать механизм распространения этой нормы в группе, они выделили три типа поведения (Centola, Willer, Macy, 2005: 1016): (1) True believers — те, кто ис-

13. Когда в этом тексте обсуждаются «классические» произведения и «бульварные романы», мы делаем ссылки к легитимным и нелегитимным объектам потребления. Концепт легитимности появляется здесь, так как мы обсуждаем, вслед за Бурдьё, сложившуюся символическую иерархию объектов потребления (Bourdieu, 1984).

14. В приведенных цитатах также можно увидеть, что чтение «бульварных романов» может ассоциироваться с более взрослыми (по сравнению с нашими информантами) группами читателей, однако основной характеристикой выделения этой литературы в отдельную категорию была характеристика легкости/сложности в сравнении с классикой.

кренне верит и поддерживает нормативное высказывание; (2) True disbelievers — те, кто искренне против нормы; и (3) False disbelievers — те, кто публично поддерживает норму, но в частном порядке может ее отрицать.

Наших информантов можно отнести к первому и третьему типам. Цитаты, приведенные выше, демонстрируют мнение первого типа. Третий тип — это те, кто не согласен поддерживать легитимный статус «классики» и нелегитимный статус «бульварных романов», однако отмечает, что «большинство» ожидает от них согласия с существующей литературной иерархией. Ниже несколько цитат должны проиллюстрировать высказывания первого (1) и третьего (3) типов.

- 1) Если это не говно. Бывают книги, ты читаешь Донцову, например. Я не понимаю, какие люди вообще это могут читать, потому что это не интересно, это скучно. Это Obvious очень сильно. (Ж., 20 лет)

Как бы сказать, чтобы никого не обидеть. Какие-то такие книжки, которые читают женщины средних лет. Знаешь, вот эти всякие романы, они ширпотребные, как будто написаны по шаблону одному. Вот такое я бы точно не стала читать. (Ж., 20 лет)

- 3) Вот так как я сейчас отрицаю снобизм в любых проявлениях, я считаю, что это было на тот момент, я тогда считала, что это такое guilty pleasure. Сейчас я считаю, что у меня были полные права на то, чтобы одновременно быть, так сказать, региональной олимпиадницей по литературе и читать романчики за 50 рублей. Но тогда мне это казалось таким guilty pleasure, потому что они всегда простые и очень ненапряжные. И когда у тебя напрягается мозг от прочтения важной и морально сложной литературы, когда ты читаешь романчики за 50 рублей, тебе дышать становится легче. И поэтому я считаю, что такие романы нужны как раз для того, чтобы не думать. Когда тебе хочется что-то почитать, но не думать. (Ж., 20 лет).

Мне нравится что-то такое свободное, отрешенное от литературных норм, от классического. Потому что я не очень люблю классику. Я не хочу перечислять авторов, потому что я покажусь не очень умным человеком. То, что входит примерно в школьную программу, кажется мне немного скучновато. (М., 20 лет).

Не назвать Шекспира классикой — это себе дороже (М., 20 лет).

У них есть знакомые произведения, которые считаются шедеврами, которые считаются обязательными для прочтения вне зависимости от того, где ты родился, где пригодился. В общем, это такие фундаментальные авторы международной литературы, которых считается условно, да, если читал, то ты как бы такой, массовый интеллигентный читатель. Конечно, это не так, но почему-то такое мнение есть. (Ж., 20 лет).

Наверно, это не то чтобы мне будет стыдно, а то что если ты скажешь, что ты читаешь Дарью Донцову публично, люди скажут, ну посмеются, наверное. Или подумают, что это шутка, потому что Дарья Донцова так воспринимается. Она сейчас уже центр шуток. Если ты как бы скажешь Дарья Донцова, никто не воспринимает это всерьез. И наверно, из-за этого это как будто *Guilty pleasure*, потому что это не воспринимается серьезно. И из-за того, что люди не воспринимают это серьезно, ты уже тоже не относишься к этому серьезно, ты думаешь, что не можешь реально наслаждаться этим, поэтому это *guilty pleasure*. (Ж., 21 год).

К сожалению, наших данных недостаточно, чтобы проверить гипотезы о том, какой тип потребителя будет поддерживать или, наоборот, отрицать существующую норму. Мы можем ожидать, что индивиды с большим объемом культурного капитала, чье потребление характеризуется всеядностью, будут обращать меньше внимания на существующие классификации (Peterson, 1992; Warde, Wright, Gayo-Cal, 2007), разделяющие литературу на «легитимную» и «нелегитимную». В нашем исследовании все информанты обладают примерно одинаковым уровнем культурного капитала — практически для всех характерно раннее знакомство с миром искусства — 14 из 15 информантов посещали в детстве художественную, музыкальную или танцевальную школы. Однако среди них есть те, кто поддерживает устоявшиеся классификации, и те, кто их отрицает. Это же касается и вопроса поддержания или отрицания нормы в среде студентов и студенток. В нашем случае и среди студентов, и среди студенток наблюдались как те, кто поддерживает норму, разделяющую литературу на «легитимную» и «нелегитимную», так и те, кто ее отрицает. Вопрос связи определенной гендерной социализации с практиками потребления требует дополнительного изучения, так как наш материал не позволяет сделать обобщенных выводов. Интерпретируя результаты, мы также должны учитывать специфику группы, выбранной для нашего пилотного исследования. В разделе «Методология» мы говорили, что у нас было предположение, связанное со спецификой создания художественных классификаций в малых группах, согласно которому мы ожидали увидеть вариативность в классификации литературы. Однако это предположение не нашло подтверждения. Мы надеемся, что расширение нашего исследования и изучение создания символических границ в других группах поможет нам ответить на оставшиеся вопросы.

В данном исследовании мы показали, на основе интервью, наличие социального контроля, связанного с потреблением определенных литературных произведений: в среде студентов «классика» (или классические произведения) рассматривается как легитимный объект потребления, свидетельствующий о «хорошем» вкусе, тогда как «бульварные романы» — нелегитимный объект потребления, который может маркировать потребителя как обладателя «плохого» литературного вкуса. Не все информанты однозначно высказываются в поддержку такой системы классификации, однако все говорят о наличии нормативных ожиданий, связанных с этими категориями. Поскольку целью исследования не было выяснение проис-

хождения этих категорий, мы можем только предположить, что они — результат школьного образования и социализации в семьях с большим объемом культурного капитала. На это указывает в том числе свидетельство наших информантов о том, что школьный период был для большинства из них временем наиболее активного вовлечения в потребление литературы.

Приложение 1. Список информантов

Студентка 1	20 лет	Посещала музыкальную школу, танцевальную и курсы рисования
Студентка 2	21 год	Посещала художественную школу, хор
Студентка 3	21 год	Посещала художественную школу
Студентка 4	21 год	Посещала художественную школу
Студент 5	20 лет	Посещал музыкальную школу, учился в гимназии с музыкальным уклоном
Студентка 6	21 год	Посещала художественные кружки
Студент 7	20 лет	Посещал музыкальную школу
Студентка 8	21 год	Посещала художественные кружки
Студент 9	20 лет	—
Студентка 10	20 лет	Посещала художественную школу
Студентка 11	21 год	Посещала танцевальный кружок
Студентка 12	20 лет	Посещала танцевальный кружок
Студентка 13	20 лет	Посещала музыкальную школу
Студентка 14	20 лет	Посещала художественную школу
Студент 15	20 лет	Посещал музыкальную школу

Приложение 2. Список авторов, использовавшийся для процедуры раскладывания карточек

Автор	Жанр	Входят в список произведений, обязательных для изучения в школе
1 Федор Достоевский	Русская классика	+
2 Эрих Мария Ремарк	Зарубежная классика	Входит в список авторов, откуда учитель должен выбрать не менее трех для обсуждения в классе
3 Рэй Брэдбери	Фантастика и фэнтези	Входит в список авторов, откуда учитель должен выбрать не менее трех для обсуждения в классе

4	Стивен Кинг	Фантастика и фэнтези	
5	Лев Толстой	Русская классика	+
6	Владимир Набоков	Зарубежная классика	
7	Борис Акунин	Современная русская	
8	Харуки Мураками	Современная зарубежная	
9	Михаил Булгаков	Русская классика	+
10	Дарья Донцова	Иронический детектив	
11	Уильям Шекспир	Зарубежная классика	+
12	Чак Паланик	Современная зарубежная	
13	Пауло Коэльо	Современная зарубежная	
14	Братья Стругацкие	Фантастика и фэнтези	Входит в список авторов, откуда учитель должен выбрать не менее трех для обсуждения в классе
15	Антон Чехов	Русская классика	+
16	Виктор Пелевин	Современная русская	
17	Макс Фрай	Фэнтези	
18	Анна Гавальда	Современная зарубежная	
19	Борис Пастернак	Русская классика	+
20	Михаил Лермонтов	Русская классика	+
21	Наталья Александрова	Русские детективы	
22	Татьяна Полякова	Русские детективы	
23	Анна Литвинова	Русские детективы	
24	Марсель Пруст	Зарубежная классика	
25	Сандра Браун	Любовные романы	
26	Даниела Стил	Любовные романы	
27	Евгений Замятин	Русская классика	
28	Людмила Улицкая	Современная русская	
29	Шарлотта Бронте	Зарубежная классика	
30	Мария Метлицкая	Любовные романы	
31	Михаил Веллер	Современная русская	
32	Стивен Фрай	Современная зарубежная	
33	Ю Несбё	Зарубежные детективы	
34	Виктория Токарева	Современная русская	
35	Джейн Остин	Зарубежная классика	
36	Екатерина Вильмонт	Детективы для подростков	
37	Александра Маринина	Русские детективы	

38	Дина Рубина	Современная русская	
39	Герман Гессе	Зарубежная классика	
40	Олег Рой	Любовные романы	
41	Франц Кафка	Зарубежная классика	Входит в список авторов, откуда учитель должен выбрать не менее трех для обсуждения в классе
42	Альбер Камю	Современная зарубежная	Входит в список авторов, откуда учитель должен выбрать не менее трех для обсуждения в классе
43	Джек Лондон	Зарубежная классика	+
44	Януш Вишневский	Современная зарубежная	
45	Александр Солженицын	Русская классика	+
46	Александр Дюма	Зарубежная классика	
47	Джордж Мартин	Фантастика и фэнтези	
48	Агата Кристи	Зарубежные детективы	
49	Терри Пратчетт	Фантастика и фэнтези	

Литература

- Ечевская О.* (2011). Потребление и различие: социальные значения и практики потребительского поведения горожан. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук.
- Захарова Ю.* (2005). Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. С. 93–110.
- Илле М. Е., Соколов М. М.* (2018). Статусная культура во времена экономической трансформации: потребление высокой культуры в Петербурге, 1991–2011 // Мир России. Т. 27. № 1. С. 159–182.
- Минобразования РФ (2004). Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования: приказ Минобразования РФ № 1089 от 5 марта 2004 г.
- Соколов М. М., Сафонова М. А., Чернецкая Г. А.* (2017). Культурный капитал, странство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. Т. 26. № 1. С. 152–179.
- Bourdieu P.* (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard University Press.

- Chan T. W., Goldthorpe J. H.* (2007). Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England // *Poetics*. Vol. 35. № 2–3. P. 168–190.
- Centola D., Willer R., Macy M.* (2005). The Emperor's Dilemma: A Computational Model of Self-enforcing Norms // *American Journal of Sociology*. Vol. 110. № 4. P. 1009–1040.
- Coulangeon P., Lemel Y.* (2007). Is «Distinction» Really Outdated? Questioning the Meaning of the Omnivorization of Musical Taste in Contemporary France // *Poetics*. Vol. 35. № 2–3. P. 93–111.
- DiMaggio P.* (1982). Cultural Entrepreneurship in Nineteenth-Century Boston: The Creation of an Organizational Base for High Culture in America // *Media, Culture & Society*. Vol. 4. № 1. P. 33–50.
- DiMaggio P., Mohr J.* (1985). Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection // *American Journal of Sociology*. Vol. 90. № 6. P. 1231–1261.
- DiMaggio P.* (1987). Classification in Art // *American Sociological Review*. Vol. 52. № 4. P. 440–455.
- Erickson B. H.* (1996). Culture, Class, and Connections // *American Journal of Sociology*. Vol. 102. № 1. P. 217–251.
- Goffman E.* (1951). Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*. Vol. 2. № 4. P. 294–304.
- Holt D. B.* (1997). Distinction in America? Recovering Bourdieu's Theory of Tastes from Its Critics // *Poetics*. Vol. 25. № 2–3. P. 93–120.
- Holt D. B.* (1998). Does Cultural Capital Structure American Consumption? // *Journal of Consumer Research*. Vol. 25. № 1. P. 1–25.
- Jarness V.* (2015). Modes of Consumption: From «What» to «How» in Cultural Stratification Research // *Poetics*. Vol. 53. P. 65–79.
- Lamont M., Molnár V.* (2002). The Study of Boundaries in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. P. 167–195.
- Levine L. W.* (1990). *Highbrow/Lowbrow: The Emergence of Cultural Hierarchy in America*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lizardo O.* (2006a). How Cultural Tastes Shape Personal Networks // *American Sociological Review*. Vol. 71. № 5. P. 778–807.
- Lizardo O.* (2006b). The Puzzle of Women's «Highbrow» Culture Consumption: Integrating Gender and Work into Bourdieu's Class Theory of Taste // *Poetics*. Vol. 34. № 1. P. 1–23.
- Lizardo O., Skiles S.* (2012). Reconceptualizing and Theorizing «Omnivorousness» Genetic and Relational Mechanisms // *Sociological Theory*. Vol. 30. № 4. P. 263–282.
- Lizardo O.* (2016). Why «Cultural Matters» Matter: Culture Talk as the Mobilization of Cultural Capital in Interaction // *Poetics*. Vol. 58. P. 1–17.
- López-Sintas J., Katz-Gerro T.* (2005). From Exclusive to Inclusive Elitists and Further: Twenty Years of Omnivorousness and Cultural Diversity in Arts Participation in the USA // *Poetics*. Vol. 33. № 5–6. P. 299–319.
- McCoy C. A., Scarborough R. C.* (2014). Watching «Bad» Television: Ironic Consumption, Camp, and Guilty Pleasures // *Poetics*. Vol. 47. P. 41–59.

- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M.* (2001). Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. № 1. P. 415–444.
- Peters J., van Eijck K., Michael J.* (2018). Secretly Serious? Maintaining and Crossing Cultural Boundaries in the Karaoke Bar through Ironic Consumption // *Cultural Sociology*. Vol. 12. № 1. P. 58–74.
- Peterson R. A.* (1992). Understanding Audience Segmentation: From Elite and Mass to Omnivore and Univore // *Poetics*. Vol. 21. № 4. P. 243–258.
- Simmel G.* (1957). Fashion // *American Journal of Sociology*. Vol. 62. № 6. P. 541–558.
- Sokolov M.* (2019). Cultural Capital and Social Revolution: Arts Consumption in a Major Russian City, 1991–2017 // *Poetics*. Vol. 72. P. 1–16.
- Sokolov M., Sokolova N.* (2019). Do Low-Brow Tastes Demonstrate Stronger Categorical Differentiation? A Study of Fiction Readership in Russia // *Poetics*. Vol. 73. P. 84–99.
- Sokolova N., Sokolov M.* (2020). Does Popular Culture Bridge Cultural Holes? A Study of a Literary Taste System Using Unimodal Network Projections // *Poetics*. Vol. 83. Art. 101472.
- Van Eijck K.* (2001). Social Differentiation in Musical Taste Patterns // *Social Forces*. Vol. 79. № 3. P. 1163–1185.
- Veblen Th.* (1899). *The Theory of the Leisure Class*. N.Y.: Macmillan.
- Vlegels J., Lievens J.* (2017). Music Classification, Genres, and Taste Patterns: A Ground-Up Network Analysis on the Clustering of Artist Preferences // *Poetics*. Vol. 60. P. 76–89.
- Warde A., Wright D., Gayo-Cal M.* (2007). Understanding Cultural Omnivorousness; or, The Myth of the Cultural Omnivore // *Cultural Sociology*. Vol. 1. № 2. P. 143–164.
- Warner W. L. et al.* (1963). *Yankee City*. New Haven: Yale University Press.
- Weber M.* (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.

The Literature “Not for Everyone” and the Phenomenon of the Guilty Pleasure: Classifications in Literature as a Space for Distinction

Nadezhda Sokolova

Lecturer, HSE University at Saint Petersburg

Address: Griboyedova Canal Emb., 123, Saint Petersburg, Russian Federation 190068

E-mail: nasokolova@hse.ru

Ekaterina Mikhailova

Bachelor Student, HSE University at Saint Petersburg

Address: Griboyedova Canal Emb., 123, Saint Petersburg, Russian Federation 190068

E-mail: eyumikhaylova_1@edu.hse.ru

This article presents the results of the pilot study in the sphere of literature classifications in Russia in the case of a group of students. The creation of artistic classifications is the focus of research, as the constructed symbolic hierarchies of consumption practices lead to the creation of social boundaries between groups. The boundaries between groups are manifested in the social exclusion of those individuals whose practices are marked as illegitimate in the established system. The results discuss two main categories that structure the reading practices of students, those of "classical literature" and "dime novels". The consumption of classics is referred to "good taste" (the analogue of highbrow taste in the Russian context), while noting that these books are generally known to all segments of the population. The consumption of "dime novels" for our informants is possible only as a guilty pleasure, a consumption practice that takes a creation of distance with an object of consumption marked as something illegitimate into account. The results also discuss the universality of such a hierarchy of consumer practices. One group of informants can be attributed to those who support the norm that an educated person includes only the classics in his literary preferences, an object of consumption that brings symbolic benefits while avoiding any contact with illegitimate objects of consumption, while others question the grounds for such symbolic hierarchy.

Keywords: sociology of consumption, social stratification, classifications in literature, reading practices in Russia, sociology of culture, taste in literature

References

- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge: Harvard University Press.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007) Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England. *Poetics*, vol. 35, no 2–3, pp. 168–190.
- Centola D., Willer R., Macy M. (2005) The Emperor's Dilemma: A Computational Model of Self-enforcing Norms. *American Journal of Sociology*, vol. 110, no 4, pp. 1009–1040.
- Coulangeon P., Lemel Y. (2007) Is "Distinction" Really Outdated? Questioning the Meaning of the Omnivorization of Musical Taste in Contemporary France. *Poetics*, vol. 35, no 2–3, pp. 93–111.
- DiMaggio P. (1982) Cultural Entrepreneurship in Nineteenth-Century Boston: The Creation of an Organizational Base for High Culture in America. *Media, Culture & Society*, vol. 4, no 1, pp. 33–50.
- DiMaggio P., Mohr J. (1985) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection. *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 6, pp. 1231–1261.
- DiMaggio P. (1987) Classification in Art. *American Sociological Review*, vol. 52, no 4, pp. 440–455.
- Echevskaya O. (2011) *Potreblenie i razlichie: social'nye znacheniya i praktiki potrebitel'skogo povedeniya gorozhan* [Consumption and Distinction: Social Meanings and Consumer Behavior of Citizens], Novosibirsk: IEIE.
- Erickson B. H. (1996) Culture, Class, and Connections. *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 1, pp. 217–251.
- Goffman E. (1951) Symbols of Class Status. *British Journal of Sociology*, vol. 2, no 4, pp. 294–304.
- Holt D. B. (1997) Distinction in America? Recovering Bourdieu's Theory of Tastes from Its Critics. *Poetics*, vol. 25, no 2–3, pp. 93–120.
- Holt D. B. (1998) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research*, vol. 25, no 1, pp. 1–25.
- Ile M., Sokolov M. (2018) Statusnaya kul'tura vo vremena ekonomicheskoy transformacii. *Potreblenie vysokoj kul'tury v Peterburge, 1991–2011* [Status Culture in the Time of Economic Transformation: Cultural Participation in Saint Petersburg, 1991–2011]. *Universe of Russia*, vol. 27, no 1, pp. 159–182.
- Jarness V. (2015) Modes of Consumption: From "What" to "How" in Cultural Stratification Research. *Poetics*, vol. 53, pp. 65–79.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 167–195.
- Levine L. W. (1990) *Highbrow/Lowbrow: The Emergence of Cultural Hierarchy in America*, Cambridge: Harvard University Press.

- Lizardo O. (2006a) How Cultural Tastes Shape Personal Networks. *American Sociological Review*, vol. 71, no 5, pp. 778–807.
- Lizardo O. (2006b) The Puzzle of Women's "Highbrow" Culture Consumption: Integrating Gender and Work into Bourdieu's Class Theory of Taste. *Poetics*, vol. 34, no 1, pp. 1–23.
- Lizardo O., Skiles S. (2012) Reconceptualizing and Theorizing "Omnivorousness" Genetic and Relational Mechanisms. *Sociological Theory*, vol. 30, no 4, pp. 263–282.
- Lizardo O. (2016) Why "Cultural Matters" Matter: Culture Talk as the Mobilization of Cultural Capital in Interaction. *Poetics*, vol. 58, pp. 1–17.
- López-Sintas J., Katz-Gerro T. (2005) From Exclusive to Inclusive Elitists and Further: Twenty Years of Omnivorousness and Cultural Diversity in Arts Participation in the USA. *Poetics*, vol. 33, no 5–6, pp. 299–319.
- McCoy C. A., Scarborough R. C. (2014) Watching "Bad" Television: Ironic Consumption, Camp, and Guilty Pleasures. *Poetics*, vol. 47, pp. 41–59.
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*, vol. 27, no 1, pp. 415–444.
- Ministry of Education of the Russian Federation (2004) Ob utverzhdenii federal'nogo komponenta gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego i srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya: prikaz № 1089 [On Approval of the Federal Component of State Educational Standards for Primary General, Basic General, and Secondary (Complete) General Education: Bill № 1089].
- Peters J., van Eijck K., Michael J. (2018) Secretly Serious? Maintaining and Crossing Cultural Boundaries in the Karaoke Bar through Ironic Consumption. *Cultural Sociology*, vol. 12, no 1, pp. 58–74.
- Peterson R. A. (1992) Understanding Audience Segmentation: From Elite and Mass to Omnivore and Univore. *Poetics*, vol. 21, no 4, pp. 243–258.
- Simmel G. (1957) Fashion. *American Journal of Sociology*, vol. 62, no 6, pp. 541–558.
- Sokolov M. (2019) Cultural Capital and Social Revolution: Arts Consumption in a Major Russian City, 1991–2017. *Poetics*, vol. 72, pp. 1–16.
- Sokolov M., Safonova M., Chernetskaya G. (2017) Kul'turnyj kapital, prostranstvo vkusov i statusnye granicy sredi rossijskikh studentov [Cultural Capital, Artistic Tastes and Status Boundaries among Russian University Students]. *Universe of Russia*, vol. 26, no 1, pp. 152–179.
- Sokolov M., Sokolova N. (2019) Do Low-Brow Tastes Demonstrate Stronger Categorical Differentiation? A Study of Fiction Readership in Russia. *Poetics*, vol. 73, pp. 84–99.
- Sokolova N., Sokolov M. (2020) Does Popular Culture Bridge Cultural Holes? A Study of a Literary Taste System Using Unimodal Network Projections. *Poetics*, vol. 83, art. 101472.
- Van Eijck K. (2001) Social Differentiation in Musical Taste Patterns. *Social Forces*, vol. 79, no 3, pp. 1163–1185.
- Veblen Th. (1899) *The Theory of the Leisure Class*, New York: Macmillan.
- Vlegels J., Lievens J. (2017) Music Classification, Genres, and Taste Patterns: A Ground-Up Network Analysis on the Clustering of Artist Preferences. *Poetics*, vol. 60, pp. 76–89.
- Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. (2007) Understanding Cultural Omnivorousness; or, The Myth of the Cultural Omnivore. *Cultural Sociology*, vol. 1, no 2, pp. 143–164.
- Warner W. L. et al. (1963) *Yankee City*, New Haven: Yale University Press.
- Weber M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, Berkeley: University of California Press.
- Zakharova Y. (2005) Formirovanie praktik potrebleniya produktov pitaniya v sovremennom rossijskom obshchestve [Formation of Food Consumption Practices in Modern Russian Society]. *Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture* [Humans and Things in Soviet and Post-Soviet Culture], Novosibirsk: NSU, pp. 93–110.